

Елена
Арсеньева

ЛЮБОВЬ ВОИНСКИХ ЖЕНЩИН

Браки совершаются
на небесах

Елена Арсеньева
Развратница. И заговорщица
впридачу! (Вильгельмина-
Наталья Алексеевна и Павел I)
Серия «Браки совершаются на небесах»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138447

Аннотация

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

Содержание

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Елена Арсеньева
Развратница. И
заговорщица в придачу!
Вильгельмина-Наталья
Алексеевна и Павел I

Не скупись, красавица! Позолоти ручку! А я тебе такого жениха нагадаю!

– Вилли! – послышался голос сестры Амалии. – Вилли, она обращается к тебе, эта ужасная богэмыен ¹!

Голосок Амалии дрожал. В самом деле, какой ужас, какой кошмар, какой позор! Из всех трех принцесс, дочерей ландграфа Людвига Гессен-Дармштадтского, цыганка заговорила именно с Вильгельминой! Этого надо было ожидать!

Конечно, этого надо было ожидать. Ведь карета остановилась (форейторы искали чеку, выскочившую из колеса) неподалеку от цыган, сидевших вокруг своего костра. И нет ничего удивительно, что самая проворная из цыганок броси-

¹ Цыганка (фр.).

лась к богатой карете, предлагая дамам погадать. Занавески были отодвинуты по случаю сильной жары, и цыганка, само собой разумеется, обратилась к Вильгельмине, сидевшей у самого окна. Амалию и Луизу, трусливо забившихся в глубь кареты, она даже не видела. Потому и разговаривала только с Вильгельминой, которая осмелилась высунуть из окна руку и протянуть ее цыганке.

И что она услышала!..

– Будешь, будешь королевой. Нет, императрицей! Будешь императрицей, вот помяни мое слово! Тебя полюбит несравненный красавец, и ты полюбишь его, и у вас родится сын... Но бойся ревнивой королевы, бойся злой королевы, бойся старой королевы! – выкрикивала цыганка, сверкая черными очами. – Ты уедешь в далекую страну, в далекую зимнюю страну!

– А ну, пошла прочь! – раздался крик с козел, и Вильгельмина увидела, как длинный кучерской кнут опоясал щедрое тело цыганки – слишком худенькое для пышного вораха ее разноцветных юбок. Принцесса едва успела отдернуть руку – кони резво взяли с места, и цыганка мгновенно пропала из виду.

Вильгельмина откинулась на спинку сиденья и обнаружила, что сестры придвинулись к ней, силясь не пропустить ни единого слова из цыганкиных пророчеств. А когда Вильгельмина обернулась, и Луиза, и Амелия живо убрались на противоположный конец сиденья и сделали самые скучающие

лица. Однако ядовитая зависть, которой были с малолетства переполнены все три принцессы Гессен-Дармштадтские, не позволила им сохранить спокойствие.

– Смотри-ка! С ума сойти! – тоненьким злым голоском пропела Луиза. – Она станет королевой! Нет, императрицей. Ее полюбит красавец! Какая чепуха! Зачем красавцам эта унылая уродина?

Вильгельмина только скривила презрительно губы. Вовсе она не уродина, и уж тем паче – не унылая. Она не визжит от восторга, когда выпадает возможность поехать верхом, или когда приходит приглашение на бал, или когда отец устраивает катания на лодках, – да, это истинная правда. Не визжит! Но не потому, что ей не нравится ездить верхом или танцевать. Ее бесит кудахтанье сестер, она не может видеть, как они всплескивают руками и закатывают от восторга свои блеклые глазки. Она не хочет уподобляться им. Она хочет быть другой!

И разве это плохо? Окажись она такой же трусихой, как Амалия и Луиза, к ней не подошла бы цыганка и не напро-рочила бы чудес, из-за которых сестрички просто изнемога-ют от зависти!

Честное слово, они вот-вот расплачутся!

– Не горюйте, барышни, – усмехнулась Вильгельмина. – Как только я стану императрицей, я приглашу вас обеих по-гостить и немедленно найду вам самых красивых и богатых женихов из своих владений.

Малышка Амалия, куда более добродушная, чем старшая сестра, радостно закатила свои небольшие светло-голубые глазки. Зато вредная Луиза сразу приняла высокомерный вид.

– Ох, какая добренькая! – противно засюсюкала она. – Да ты сначала стань этой самой императрицей! Веришь в какую-то глупую болтовню и нас с толку сбиваешь!

– Почему же это глупая болтовня? – вступилась Амалия. – Разве ты не знаешь, что цыганское гаданье всегда сбывается?

– Сбывается, если за него заплачено! – засмеялась Луиза. – А разве Вилли позолотила этой богэмыен ее ручку, как та просила? Нет! Значит, и гаданье не сбудется!

А между тем...

Они въехали в ворота замка и сразу поняли: дома что-то произошло. Матушка, Генриетта-Каролина, урожденная принцесса Цвейбрюкенская, мерила быстрыми шагами террасу. Это матушка-то, проповедница сдержанности и образец безупречных манер!

Уж не случилось ли что-то ужасное? Уж не хватил ли удар батюшку?

– Девочки, скорей! Скорей! – замахала руками Генриетта-Каролина, когда дочки одна за другой выскочили из кареты и бросились к крыльцу. – Немедленно умываться, переодеться, причесаться. Даю вам полчаса времени. У нас гость!

У нас такой гость!..

– Ну, матушка, не его же величество дядюшка Фридрих II прибыл с неожиданным визитом! – насмешливо протянула Вильгельмина. Она могла себе позволить быть чуточку – о, самую чуточку! – фамильярной при упоминании прусского короля: ведь его племянник и наследник Фридрих-Вильгельм был женат на их старшей сестре Фредерике.

– Нет, это не король. Но это... это что-то невероятное! Такой визит! – Матушка не могла больше хранить тайну. Обхватила всех трех дочек за плечи, притянула к себе: – Прибыл барон Ассенбург!

Сестры разочарованно переглянулись. Имя им ничего не говорило.

– Ну и кто же это? – осведомилась Луиза.

– Это русский посланник при германском дворе. Его направила к нам сама императрица Екатерина! Она велела... она велела барону повнимательнее присмотреться к вам, мои дорогие девочки!

– Зачем? – выдохнули «дорогие девочки» взволнованным хором.

– Затем, что... – начала Генриетта-Каролина, заикаясь от волнения. – Затем, что императрица Екатерина ищет невесту для своего сына! Сначала господин Ассенбург побывал у принцессы Луизы Саксен-Готской, но она отказалась перейти в православие, а это непременное условие императрицы. Потом барон Ассенбург побывал у Софьи-Доротеи Вюр-

тембергской, однако же она еще сущий ребенок, ей всего лишь двенадцать. А императрице нужна взрослая, разумная девушка. Поэтому посланник ее величества Екатерины прибыл к нам. Он знал, что у нас три дочери на выданье. Я думаю, что одна из вас непременно, непременно подойдет для русского принца!

И тут Генриетта-Каролина остолбенела. Вместо того чтобы начать возмущаться, что их очередь настала лишь после знакомства Ассенбурга с другими претендентками, вместо того, чтобы начать яростно спорить, кто из трех красоток Гессен-Дармштадтских наиболее подойдет на роль невесты для русского принца, сестры молча переглянулись, а потом Амалия и Луиза вдруг побледнели и уставились на Вильгельмину с таким выражением, словно увидели призрак.

– Значит, эта богэмынь все-таки не наврала! – пробормотала Амалия. Луиза обиженно надула губы, а Вилли... Вилли, любимица матери, скромно, таинственно улыбнулась...

* * *

И все пошло как по маслу! Именно средняя дочь ландграфов Гессен-Дармштадтских Вильгельмина приглянулась посланнику русской императрицы. Именно о ней барон Ассенбург отправил Екатерине такое донесение: «Мать отличает ее. Она из всего молодого Дармштадтского семейства имеет наиболее грации и благородства в манерах и в харак-

тере, точно так же, как она имеет всего более находчивого ума. Наставники хвалят способности ее ума и обходительность нрава; она хотя холодна, но одинакова со всеми, и ни один из ее поступков не опровергнул еще моего мнения, что сердце ее чисто, сдержанно и добродетельно, но ее поработило честолюбие...»

Ах, Боже мой, господин Ассенбург оказался проницательней любой богэмьен, хоть и не смотрел на ладошку Вильгельмины! Он с первого взгляда различил главную черту хорошенькой принцессы. Но для будущей императрицы честолюбие – это совсем не такое уж плохое качество. Главное, как говорят полководцы, воля к победе. А все остальное приложится.

Екатерина Алексеевна осталась довольна донесением своего эмиссара. В этой девочке из захолустного германского герцогства она видела словно бы свое отражение. Именно такой была некогда она сама, Софья-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская, – в чем-то неловкая, в чем-то смешная, ужасно испуганная, но безмерно честолюбивая. И когда императрица Елизавета Петровна пожелала сделать малышку Фике женой своего племянника Петра Федоровича, наследника русского престола, та поняла, что сбываются ее самые смелые мечты. Так пусть же сбудутся мечты и этой захолустной принцессы, пусть она навеки сохранит ту же признательность к русской императрице, какую Софья-Фредерика хранила к своей благодетельнице Елизавете Петров-

не, — несмотря на то, что их отношения вовсе не были безоблачны и благостны...

Конечно, императрица должна была посмотреть на Вильгельмину. Но письмом от 23 апреля 1773 года в гости в Россию она пригласила ландграфиню со всеми тремя незамужними дочками и тремя сыновьями — все-таки выбор должен был сделать сам Павел. Вдруг ему понравится не Вильгельмина, а другая сестрица? Чем черт не шутит!

Прекрасно зная, сколь скудна жизнь владельцев небольших германских княжеств, Екатерина приняла все издержки по путешествию на счет русской казны и послала Генриетте-Каролине 80 тысяч гульденов. Великая императрица, которая властно руководила огромной страной, ничего не могла пустить на самотек. Ритуал встречи гостей был продуман до мельчайших подробностей. Гессен-Дармштадтскому семейству предстояло самостоятельно прибыть в Любек, а уж там их ожидала, под командованием кавалера Крузе, флотилия из трех судов: «Св. Марк», «Сокол» и «Быстрый». Прием в Любеке и сопровождение ландграфини с семейством до Ревеля были возложены на генерал-майора Ребиндера, а сопровождение от Ревеля до Царского Села — на камергера барона Черкасова.

Генерал-майору и барону были даны Екатериной особые инструкции. В «секретнейших» пунктах инструкции Ребиндеру императрица выражала желание, чтобы он во время пребывания в Любеке и морского переезда подметил особен-

ности характеров и душевных свойств молодых принцесс. Ландграфине он должен был дать понять, что от нее ожидается: во-первых, отсутствие лицемерия и ровное, ласковое обращение со всеми теми, с кем ей придется встречаться при дворе Екатерины; во-вторых, доверие к императрице; в-третьих, уважение к цесаревичу и ко всей нации.

К инструкции барону Черкасову приложена была бумага под заглавием: «Наставления императрицы Екатерины II, данные княгиням Российским». Они были составлены самой императрицей и представляли собой краткие правила для руководства той принцессе, которая будет «иметь счастье сделаться невесткой Екатерины и супругой Павла Петровича».

Ландграфиня зачитала «краткие правила» всем своим дочкам вслух.

– «Среди развлечений и забав принцесса, сделавшись женой Павла Петровича, всегда должна помнить то положение, которое занимает. А потому держать себя с достоинством и не допускать короткого обхождения, которое может вызвать недостаток почтительности», – начала она, слегка запинаясь от почтительности к той, чьей волею были начертаны сии строки, как вдруг ее перебила Вильгельмина:

– Неужели императрица думает, что вы, матушка, и наш батюшка не научили нас правилам приличия?

– Тише, дитя мое, – кротко ответила ландграфиня. – Конечно, ее величество так не думает. Слушай дальше. «Что

касается тех денежных средств, которые будут отпускаться на ее расходы, то ими она должна пользоваться благоразумно, чтобы никогда не делать долгов».

– Кстати, матушка, а вы не знаете, сколько мне будет положено «на булавки»? – небрежно перебила Вильгельмина.

– Откуда же мне знать? – изумилась Генриетта-Каролина. – Об этом еще и речи не было! Ведь ты еще не только не жена, но даже не нареченная невеста принца Павла.

Луиза и Амалия, которые слушали «правила» с самым смиренным видом, сложив ручки на коленях и поджав губки, быстро переглянулись. Ай да Вилли! Не рано ли она начала показывать свой противный характер?

Погрозив пальчиком строптивой дочери, Генриетта-Каролина вновь поднесла к глазам бумагу, исписанную каллиграфическим почерком секретаря императрицы:

– «Сделавшись женой Павла Петровича, принцесса не должна слушать никаких наветов злобных людей против императрицы или цесаревича, а в деле политики не поддаваться внушениям иностранных министров».

Вильгельмина фыркнула:

– Мне кажется, государыня слишком много на себя берет! Неужели она будет шпионить за мной, своей невесткой, чтобы убедиться, как я себя веду?

– Замолчи, глупая девочка! – не сдержалась ландграфиня. – Если ты будешь так много болтать, ты никогда не станешь невесткой императрицы!

Луиза и Амалия сидели потупившись, однако их сердца, стиснутые корсетами, колотились, как пойманные в капкан зверушки. В принцессах пробудилась робкая надежда, что противная богэмыен все-таки ошиблась в своих предсказаниях. Вильгельмина забыла, что и у стен есть уши! Вдруг кто-нибудь услышит ее ехидные реплики и донесет Екатерине о том, как непочтительно ведет себя эта принцесса? Вдруг Екатерина обратит свой благосклонный взор на другую сестру?..

Похоже, в голову Вильгельмины пришла эта же самая мысль, потому что строптивница наконец-то присмирела и молча внимала прочим наставлениям Екатерины, которые ландграфиня произносила с особым выражением почтительности и усердия:

«Так как праздность влечет за собой скуку, последствием которой бывает дурное расположение духа, надо стараться исполнять все свои обязанности, искать занятий в свободные часы. Чтение образует вкус, сердце и ум; если принцесса сумеет найти в нем интерес, то это будет, конечно, всего лучше; кроме того, она может заниматься музыкой и всякого рода рукоделиями; разнообразя свой досуг, она никогда не будет чувствовать пустоты в течение дня. Столь же опасно избегать света, как слишком любить его. Не следует тяготиться светом, когда придется бывать в обществе, но надо уметь обходиться без света, прибегая к занятиям и удовольствиям, способным украсить ум, укрепить чувства или дать

деятельность рукам...»

К тринадцатому пункту «Наставлений» сестрицы уже начали клевать своими востренькими носиками, а между тем этот пункт был самым интересным:

«Следуя этим правилам, принцесса должна ожидать самой счастливой будущности. Она будет иметь самого нежно-го супруга, счастье которого она составит и который, наверное, сделает ее счастливою; она будет иметь преимущество именоваться дочерью той императрицы, которая наиболее приносит чести нашему веку, быть ею любимой и служить отрадой народу, который с новыми силами двинулся вперед под руководством Екатерины, все более прославляющей его, и принцессе останется только желать продления дней ее императорского величества и его императорского высочества великого князя, в твердой уверенности, что ее благополучие не поколеблется, пока она будет жить в зависимости от них».

– Да вы меня не слушаете, противные девчонки! – с досадой воскликнула Генриетта-Каролина, обнаружив, что взоры дочерей подернулись пеленой невнимания. – Ну вот ты, Вилли, повтори, что я только что сказала!

– «Принцессе останется только желать продления дней ее императорского величества и его императорского высочества великого князя, в твердой уверенности, что ее благополучие не поколеблется, пока она будет жить в зависимости от них», – отчеканила, встрепенувшись, Вильгельмина, у которой была изумительная память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.